

ПРИЧУДЫ КУМИРА

Экран и сцена. — 1992. — 20-27 авг. —
с. 12-13.

Марио Моничелли — плохой семьянин

Семье как средоточию человеческих конфликтов режиссеры мирового класса в последнее время уделяют куда больше внимания, чем классовой борьбе. Герои, успешно терроризирующие многочисленных своих детей, снох, жен, прочих домохозяев, обретают чуть ли не «робинзонадский» ореол в глазах миллионов и миллионов киноманов! И вспыхивают на экране страсти, сравниться с которыми суждено сегодня лишь шекспировским или гомеровским.

Дань актуальной тематике отдал и известнейший итальянский режиссер Марио Моничелли. В интервью, которое мы перепечатаем из еженедельника «Венерди», он рассказывает о собственном взгляде на эту важнейшую общественную «ячейку».



— Вспоминаете ли вы свою семью? Какой она была?

— Большая. Шестеро детей — две дочери и четыре сына. Мы родились и выросли в «той» Италии — Италии периода двух больших войн и фашизма. Мой отец Томмазо был известным журналистом. Прошел весь путь от убежденного сторонника партии дуче до оппозиционера и борца с режимом — из-за чего и лишился работы. Мы жили бедно, мать вечно попрекала нас куском, так что каждый из нас с детства мечтал как можно быстрее уйти из дома и обрести независимость.

— Неужели в вашей памяти не осталось счастливых воспоминаний детства, когда вся семья собирается вместе за столом?

— Все за одним столом! Какое счастье! Это риторика, штампы. Да, мы собирались за столом. Но никаким счастьем это не было: ели быстро и в абсолютной тишине.

Пожалуй, единственное светлое воспоминание — рассказы моего отца, большого и обаятельного остряка. Я слушал его с большим интересом. А моя мать, женщина, несомненно, умная, хотя и недостаточно образованная, считала все эти повествования никчемными выдумками и внимала им с большой долей скептицизма.

— В семье, кроме чисто родственных связей, существовали еще какие-нибудь? Религиозные, например? Была ли общность целей, идей?

— Никто из нас никогда не был религиозен. Антифашизм —

вот то единственное, что, может быть, связывало нас идейно. Помню, отец каждые полгода вдруг торжественно сообщал: дескать, все, с фашизмом покончено, остались считанные часы до полного его падения. Однако все продолжалось. Конечно, отец был смешон, но мы объединялись вокруг него в презрении к дуче, к его напыщенным речам с балкона, мы злились и ненавидели все это чернорубашечное скопище.

— Значит, вы не тоскуете по тому времени, когда были ребенком?

— Абсолютно нет, если можно говорить о какой-то ностальгии, то она относится совершенно к другому периоду, действительно счастливому, потому что я ушел из дома и жил свободно и независимо.

— А каков Моничелли как муж и отец?

— Начнем с того, что брак как таковой никогда не интересовал меня. Не было желания завести семью. Я только хотел быть вместе с женщиной, которую любил. А если я и женился, то только по обязанности.

В первый раз я венчался в церкви. Потом разошелся с женой, и второй мой брак был гражданским. В общем, я имел четыре, как их лучше назвать, — семьи, совместные проживания? И трех дочерей.

Я всегда хотел дочерей. Мне нравилось находиться в окружении существ без волос на груди, без бороды и с серебристым голосом. Моим дочерям — их зовут Оттавия, Мартина и Роза — восемнадцать, пятнадцать и четыре с половиной года. Как отец я даю им много свободы и

избегаю что-либо советовать.

— Что вы думаете о своих браках?

— С течением времени мой взгляд на брак меняется. Сегодня думаю, что главное как для мужчины, так и для женщины — это уважение к профессии, к делу своего партнера, а также само дело, от которого все остальное, и даже брак, может отвлекать, а потому вызывать раздражение.

— И, однако, Моничелли, семья существует, несмотря на все те ужасы, которые вы здесь перечисляете. Может быть, по причине жилищного кризиса? Молодые не находят работу, не могут купить квартиру и вынуждены жить с папой и мамой до тридцати лет.

— Да, я постоянно читаю об этом в газетах. Однако опять речь идет о явлении, не имеющем ничего общего с семьей. Сегодня мы имеем уже второе поколение таких образований, где есть один-единственный сын. Человечество изменилось. Единственный сын никогда не будет похож на тех, кто вырос в семье, где было три ребенка или даже больше. Единственный сын уже с детства приучен уделять своей персоне слишком много внимания, он менее вынослив и жизнестоек.

— Сколько, по Моничелли, может длиться брак?

— Хм., даже десяток лет. — Вам кажется, что это много?

— Это нормально. Потом обычно начинается время компромиссов, взаимного недовольства, лжи.

— Что говорят о вас ваши жены?

— Что я эгоист, черствый, неблагодарный человек, неспособный заботиться о них. Но говорят также, что я не скучный, что со мной им всегда было интересно, что я остроумен даже в интимных отношениях. Думаю, они считают меня сильной личностью, по крайней мере я всегда стремился доказать это.

— Ваши женщины моложе вас. Женщина более молодая ищет в партнере что-то отеческое...

— Со мной тоже пытались искать, но я отражал подобного рода попытки. И сегодня они меня упрекают, что я не оказываю им поддержки. Разница в возрасте заставляет их чувствовать сильную зависимость от меня, и я думаю, что это многое определяет: женщины всегда ищут кого-то, кто будет держать их в зависимости, кто способен заставить их трепетать, робеть...

— Если собрать четыре ваших брака вместе, может получиться одна большая семья?

— Никогда. Мои жены никогда не испытывали взаимных симпатий, если не сказать яснее — они просто ненавидели друг друга. К счастью, мои дочери очень дружны между собой.

— Что вы можете им пожелать?

— Я желаю, чтобы с их возлюбленными у них были бы такие же отношения, какие были у меня с их родителями.

Перевела с итальянского
Марина АРКАДЬЕВА.